

КОСМОС РОССИИ

Александров Н.Н.

...не существует пространства. Исчезло время, явилась мощь знания.

Е.И.Рерих.

Часто мы изобретательны в разрушении, очень изысканны в отрицаниях, но как слабы мы бываем в созидании, в деянии, в помощи.

Н.К. Рерих.

Является ли случайностью тот факт, что именно Россия первой вышла в космос? Ответу на это вопрос так: если бы не тоталитаризм, она могла бы выйти в космос и раньше. Этому утверждению вроде бы противостоит вполне обыденная реальность истории: для полетов в космос нужна большая концентрация производства, огромные инвестиции и так далее, что становится возможным или при тоталитаризме, или в очень богатом обществе типа США. Но мы ведем речь не столько об освоении космоса, сколько о другом, менее известном.

Если для американцев выход в космос был технической проблемой и вопросом престижа государства, то для русских такой прорыв был и остается философской проблемой, которую можно решать в том числе и технически. Успех генерального конструктора С.П. Королева, с сопровождавшей его при жизни тайной, во многом затмил куда более важные тайны русского космизма. Напомню, что перелом в истории молодого Королева началась с посещения в Калуге простого гимназического учителя математики, теософа, К.Э. Циолковского. Но кем был этот человек, как он был связан с другим калужским гением – космистом А.Л. Чижевским – и какие общие идеи питали их в этой дикой русской провинции – обо всем этом история покорения космоса не слишком распространялась. Более того, пути русского сверкающего космизма с выходом в космос только приоткрыли нам полог своей тайны. До сих пор непонятно, кем был заключенный Кибальчич, нарисовавший перед казнью на стене камеры схему звездолета. Или кем был

тот русский инженер, по схеме которого американцы слетали на Луну. Космонавтика понемногу раскроет свои тайны, но почему же никого не интересует ее главная тайна? Ведь, чтобы лететь в космос, его нужно духовно освоить до того, а именно русская философская мысль готовилось к выходу в космос настолько давно, насколько вообще это мыслимо.

Есть тонкие невидимые связи между пространством России и «географией души» русской, о которой писал Н. Бердяев. Всепланетное мышление – это тот минимум, который задан нам порождающим нас пространством. Мы живем так с рождения и не видим вроде бы ничего особенного в этом факте, пока перед нашей душой не поставят зеркало искусства или науки. Мы открываем в себе духовный космос.

Художественный космос открыт русскими в начале XX века – «председателем Земного Шара» В. Хлебниковым и «председателем Пространства» К. Малевичем. Хрупкая и изящная воспитанница аристократической школы Любовь Попова строит «Силовые линии пространства» так легко, что это приводит в восторг даже Пабло Пикассо. Всепланетность В.И. Вернадского и межпланетность К.Э. Циолковского лишь самый известный пласт русского научного космоса. Его корни глубоки, и, может быть, только благодаря этим корням русский народ так устойчив в своей буйной судьбе.

Был ли путь России особым?

Этот вопрос не давал покоя двум столпам дореволюционной исторической мысли – В.О. Ключевскому и С.М. Соловьеву.

Первым был Сергей Соловьев, которому не довелось еще разочароваться после отмены крепостного права. Он упорно искал в истории бесклассовый путь для России. По нашей малообразованности мы приписываем теорию классовой борьбы Марксу, между тем еще до него Тьерри и Гизо рассматривали историю Европы именно как борьбу сословий и классов. Соловьев ощущал Россию некой дикой и живучей родовой силушкой, с

инертным «темным» началом. Исправить ее на цивилизованный лад может только организующая сила государства – как «светлая» сила. Государственный интерес, с одной стороны, и корыстный частный интерес – с другой – из них Соловьев явно предпочел интерес государственный. И, памятуя о будущих поворотах русской истории, можно назвать его провозвестником тоталитарности, ибо аналогичные по смыслу взгляды через сто лет декларировались официальными историками «великой сталинской эпохи».

Реалист Ключевский на это ехидно заметил: «Россия управлялась не аристократией и не демократией, а бюрократией». И эта констатация есть итог соловьевского огосударствления «темной» Руси. Так или иначе, но Соловьев оказался прав хотя бы в том, что государство беспрецедентно повлияло на становление русских как народа, выросшего поверх многих этносов. Это становление продолжалось вплоть до наших дней за счет имперской и колонизаторской политики государства, где русскому народу была уготована роль скелета. Динамизм и особый, «смешанный», характер русской культуры, русского языка, даже русской крови были обусловлены переплавкой в котле имперского государства множества разноплеменных потоков. Можно сколько угодно говорить о том, что Россия служит бампером, проводником, переходом между Западом и Востоком, но на уровне чисто генетическом чего-чего, а чистоты кровей в «русском этносе» мы не найдем. Стоит ли после этого удивляться, что большая часть «великих русских» русскими являются только по названию? Например, гордость русской литературы – «метис-абиссинец» Пушкин или гордость русской живописи – «поляк» Врубель. Но все же мне думается, что корень не только культурного, но и генетического «космизма априори» – у русского народа.

Ключевский жил в противоположный Соловьеву период наступившего после 1861 года – в эпоху разочарования. Для него государственная идея уже была не иначе как идея несвободы. Борьба за утверждение сильного государства в России всегда сопровождалась массовыми репрессиями. Борцы за великое российское государство – Иван Грозный, Петр I и Сталин – люди

не случайные. Есть жуткая логика «переворачивания» идеи социализма и свободы в идею государственного тоталитаризма, но логика эта – историческая, и Ключевский уже в свое время чувствовал ее инстинктом исследователя. Его неприкрытая критика бюрократии никак не могла понравиться нашим советским «отцам истории», поэтому даже его имя исчезло из науки для нескольких поколений советских людей.

С позиций европейской модели развития, вся русская история выглядит нелепостью. Французские короли для становления абсолютизма опирались на города – в противовес сильным конкурентам из аристократии. А Иван Грозный задушил Новгород и Псков, видя именно в вольных городах угрозу своей власти; он нашел опору в мелкопоместных дворянах. Петр I ввел мануфактуры насильственно и государственно, ему некогда было ждать их самозарождения и расцвета! Это резко усилило разорение крестьянства и увеличило штат чиновников – все потребности армии удовлетворялись за счет несвободы народа. Сталин (у меня вообще впечатление, что он ни одной собственной идеи не изобрел, но умел учиться) поступил аналогично Ивану Грозному: коллективизировал разбежавшихся по хуторам бывших частных собственников в мелкопоместные колхозы и, подобно Петру, индустриализировал на потребу той же обороне всю страну государственным способом. Рост личной свободы, который шел в Европе по логике событий снизу вверх, в России шел путем государственных реформ под давлением не столько даже снизу, сколько извне. Но шел этот рост вольности именно сверху вниз: путем постепенного пожалования. И кто после этого скажет, что у России не самая парадоксальная из всех историй?

Отчужденное от власти общество породило, соответственно, парадоксальный феномен русской интеллигенции: образованные интеллектуалы возвращались властью на свою потребу. Столь прославившиеся по фильмам «русские мушкетеры», гардемарины, – это как раз начало процесса. Вся странность видна даже в этом художественном зеркале: если для французских мушкетеров (по Дюма-отцу) служение абсолютизму совпадало с целями

абсолютизма, то для бедных русских гардемаринов служение идее великого государства происходило вопреки обстоятельствам и даже иногда самому абсолютизму. Вот и служат они министру-государственнику, который завтра уже никто. И в стане их врагов – немецкая шпионка, которая завтра будет всесильной русской императрицей. Поневоле станешь умным в таких исторических обстоятельствах.

С этой интеллигенцией царизм намучился немало. Европейская образованность приносила «в одном флаконе» и свободолобивый дух Европы. Недаром Скалозуб мечтал «собрать бы книги все да сжечь». Сжечь-то можно, но себе дороже! И выращивание интеллектуальной элиты, скажем, в Царскосельском Лицее, оборачивалось не только подготовкой высших бюрократов, но и декабристов. Даже «самому образованному в мире правительству» Ленина после 1917 года пришлось сначала выставить за границу упрямую русскую интеллигенцию, не желавшую строить социализм. Куда менее образованному правительству Сталина с ней возиться было некогда – оно предпочло передуть эту старую интеллигенцию в лагерях или пристроить ее в шарашки, а в специальных питомниках выращивать свою, советскую, интеллигенцию. Это породило фантастические и небывалые в мировой истории культурные псевдоформы, которые буйно расцвели, подобно каменным цветкам на ВДНХ: «народный академик Лысенко» или «национальное по форме и социалистическое по содержанию» советское искусство и т.п. Скоро все это станет такой же исторической редкостью, как кресло эпохи Людовика XIV. Так что берегите остатки уникальной советской культуры.

Сейчас мы расхлебываем последствия того, что все жизненно важные системы в нашем государстве еще недавно постепенно заменялись на псевдосистемы. И, пока был запас сидящих в лагерях «недобитых интеллигентиков», псевдосистемы могли имитировать работу настоящих систем. Когда же не стало и этого запаса, карточный домик начал рушиться сам собой (это изумительно прозвучало в фильме Ю. Мамина «Фонтан»).

Рухнула псевдосистема власти, науки, искусства, даже торговли: распределение по талонам только узаконило давно бывшее в России распределение-пожалование. И жутко ждать: а пожалует ли всеильное государство завтра хлеб, как пожаловало гласность без бумаги?

Когда общество проходит определенную фазу своей истории, то в нем возрождаются все идеи той же фазы из прошлого. Идея «государственного прогресса» историка Соловьева реализовалась на практике Александром II и советскими царями. Философски она осознавалась вдали от России русским свободным философом Н. Бердяевым. Он открыл, что в старую русскую схему государственного мессианства во главе с монархом в советские времена просто вселилась новая идея. От большевиков русский пролетариат заразился идеей спасения всего человечества через построение коммунизма и мессианством в виде «пролетарского интернационализма». «Третий Интернационал не есть третий Интернационал, а русская национальная идея, Третий Рим». И надо отметить, что Бердяев попал в точку с Третьим Римом: известно, что Сталин лично вмешивался в дискуссию о роли Грозного в русской истории, а появление известного романа «Петр I» А. Толстого не является случайностью или художественной прихотью – это госзаказ. Но Бердяев не учел, что его замечательное объяснение русской истории объясняет ее не всю, а только те фазы, в которые, например, жил Соловьев, – фазы, отмеченные приступами государственного мессианства, переходящими в «особую роль русского народа, богоносца». И тут у него был сильнейший противник в современном мире – А. Солженицын.

Если отчетливо видно, что Н. Бердяев продолжает линию С. Соловьева, то Солженицыну выпала участь продолжать линию В. Ключевского. Революция в освещении Солженицына вырастает как явление совершенно внелогичное, чуждое, насажденное. Ее лидеры – выкормыши нерусского, европейского марксизма, пропитавшиеся этими идеями в эмиграции. Русская национальная идея Соловьева – Бердяева, действительно, плохо ложилась на факт истребления именно русского народа в сталинском терроре.

Нечерноземье – сердце старой России – было превращено в пустыню, все русское разорено до основания интернационалистами. Но всякая односторонность, в том числе и разоблачение сталинизма в сознании народа, есть односторонность – и в этом было уязвимое место А. Солженицына. Это писатель, на счету которого великие страдания и великие пророчества; «поэт в России больше чем, поэт». Но если его сделают знаменем русского возрождения, то и у этого пути тоже может обнаружиться исторический тупик. Раз все в нашей истории повторяется, то может повториться и это. Достаточно увидеть, во что развились и как воплотились идеи его предшественника В. Ключевского. Скачков на пустом месте не бывает.

В результате государственных реформ Россия стала вечной страной «догоняющего развития». Все реформы проводились насильственно и приводили лишь к замедлению общественных процессов. Действительные общественные процессы оживали, только очнувшись от удара очередной реформы. Каждая реформа как временную меру вводила диктат новой государственной власти – и шаг за шагом наше общество все более бюрократизировалось и становилось все более неповоротливым. Что и требовало новых реформ, которые опять же усиливали бюрократизацию. Этот алогизм, противоречивость и некоторая бредовость русской истории стали питательной почвой для русской литературы, искусства и философии.

Истоки космизма в нашей философии

Эпохи разочарованности от реформ, времена Ключевских, приводят к появлению необычного нравственно-философского феномена. В культуре начинаются поиски общечеловеческой нравственности и муссируется идея существования нетленных ценностей. Сто лет назад эта идея обсуждалась в среде толстовцев, она подспудно звучит и у чеховских героев. Теперь Чехов снова в моде, да еще в какой!

Разглядывая по телящику мурлыкающую от благополучия Европу, я не могу себе представить, чтобы в этой размеренной и убаюкивающей

благости сегодня могло родиться хотя бы нечто, подобное нашим философам и писателям. Они им просто «не нужны на дух», а само их наличие и вес в мировом сообществе представляется европейцам нелепостью, с которой только по традиции приходится считаться. Бюргерское сознание живет здесь и сейчас, по одному и тому же, «навечно заведенному», миропорядку, в одном и том же, все более и более благоустроенном, мирке, в окружении все более картинной природы и кукольных национальных мифов. Напротив, вечно не-устроенное русское сообщество находится если не в состоянии непрерывного погрома, то в предчувствии его. Особенно остро это чувствует его интеллигенция. Жить здесь и сейчас ей, может быть, и хочется, да не дают. Зато в этих «антисанитарных» исторических условиях только и можно выйти за пределы земного и обрести космос.

Итак, мы что, утверждаем, что космизмом в философии и культуре болеют неблагоустроенные цивилизации? А не знаю, но может быть.

Где родились начала европейской философии? Их породила крохотная Греция, очень недолго свободно существовавшая между варварами и колоссальными соседскими империями. Но именно ее мыслители в этих неуютных условиях прорвалась в такие дали, что мы, взобравшись на очередную интеллектуальную вершину, встречаем там обидную надпись какого-нибудь греческого философа: «Я об этом уже думал». Построенная ими модель космоса до сих пор дает себя знать в языке: все происходит от четырех стихий – огня, земли, воды, воздуха.

В русском языке, как ни в каком другом, почему-то много огненных (космических) символов: красно, красиво, прекрасно, ярило, ярый, яркость. Тончайшие ряды аллитераций у поэтов и писателей серебряного века только приоткрывают истинный космос великого русского языка: этот язык выступает у них как материя мышления, проводящая через себя космос. И универсум мира, отраженный в языке, сияет в идеях всей русской культуры, как бриллиант, ведь сама идея универсализма, столь органичная для русской культуры, означает космос. Если вы ищете особый путь России, то он именно

здесь: сегодня благополучная западная цивилизация осознает свой тупик. Они говорят нам прямым текстом: «Не идите по нашему пути, вы становитесь в очередь, ведущую в тупик!» Взоры многих сегодня обращаются на восток, к Индии, но сегодня она сама «в надежде смотрит на Россию». Да уж, положеньице: мы думаем, за кем же пойти, а они смотрят, куда мы их поведем. Чего от нас ждут? Ренессанса энциклопедизма, культурной универсальности, космизма. Когда речь заходит об этом, весь думающий мир всегда обращается к нашей русской культуре. Обратимся к ее истории и мы.

Феномен русской интеллигенции

Интеллигенция в России не была допущена к власти. Вот почему, не имея возможности проектировать жизнь России, она постепенно потеряла вкус к такому нужному делу и принялась проектировать космос человека.

Только в России XIX века могла родиться великая литература. Все, что западные интеллектуалы вкладывали в устройство жизни своего общества, русские вложили в литературу. Просто больше было некуда. Эта традиция «игры» вместо жизни неизбежно эстетизировала даже философию. Подведение итогов развития мировой философии в работах Вл. Соловьева – это филигранная работа эстетика. Немудрено, что пришедший с запада футуризм, с его культом техники, мог расцвести в России лишь в отвлеченной игровой сфере: русские футуристы движутся в пустом пространстве, ибо никакой экспансии техники в России еще нет и в помине. Утопически-игровой характер русской культуры нам хорошо известен: роман Чернышевского «Что делать?» есть такой же художественный «прогноз будущего», как и фантастические романы Герберта Уэллса. Но он отличается своей нешуточной серьезностью от легкой игры ума у Уэллса так же, как русская культура – от английской.

За свою вековую историю русская интеллигенция наигралась досыта. Вот почему, когда история дала ей шанс показать себя на деле во время недолгого, но интенсивного развития капитализма в России, интеллигенция

себя показала. В литературе расцвел феномен серебряного века, русское театральное и изобразительное искусство заполонило Париж, русская наука удостоилась ряда Нобелевских премий и мирового признания, а русские инженеры ценились во всем мире на вес золота. В основе этого недолгого прорыва лежала уникальная и очень сильная сторона нашего космизма – проективность, то есть способность смело проектировать будущее. Накопленный потенциал мысли в одно историческое мгновение освоил громадные пространства России, взвинтил все ее ресурсы и народы – она вышла перед войной 1914 года НА ПЕРВОЕ МЕСТО В МИРЕ ПО ТЕМПАМ РАЗВИТИЯ, ОБОГНАВ АМЕРИКУ. Конечно же, этот взлет копился веками.

Между прочим, и все предшествующие промышленные революции в мире тоже базировались на медленном накоплении универалистских идей в мысли. Это Ренессанс подготовил и осмыслил первый рывок капитализма в Голландии и Англии, это эпоха Энциклопедизма (или Просвещения) подтолкнула Европу к промышленным революциям. «Третьей волной» специалисты считают информатизацию общества; истоки этой новой революции часто выводят из нереализованных на практике русских идей 20-х годов. Вслед за нею грядет четвертая, «интеллектуальная, волна» рубежа XX и XXI веков (А.И. Субетто). Она ставит в центр мира Человека и опирается на его громадные интеллектуальные возможности, совершенно не разбуженные пока монстром технической цивилизации. И если западная цивилизация «убаюкивает» массовый интеллектуальный потенциал, то восточная – направляет его внутрь человека и от человека – в космос. Готовой к новому эволюционному рывку оказывается только Россия.

Но цивилизации не выживут в одиночку: от какой-нибудь очередной катастрофы рухнут Восток, и Запад, и мы вместе со всеми. Колокол Чернобыля лишь первый звонок. Колокола Японии – второй. Просыпайтесь, говорят нам встряски и катастрофы, дело принимает серьезный оборот.

Хомо механикус

Стремительное развитие техники привело человечество к информационно-энергетическому перекошу, что отражено и в философии русского космизма. Одним из первых Н. Бердяев заметил, что наша техносфера есть материализованное рациональное. А ведь, кроме него, есть и иррациональное (если угодно, мистико-пророческое) познание. Природа человека как раз иррациональна. Мы создали технику, которая нас же превращает в автоматы. В этом смысле компьютеризация только усиливает зависимость человека от техники, перегружая его левое полушарие окончательно. Хомо механикус все менее ценит мир эмоций, мир искусства и миры творчества, где его ожидает истинная радость.

Аналитический и прагматичный ум – продукт евро-американской цивилизованности – позволил овладеть невероятными энергиями и ресурсами планеты. Теперь обнаружилось, что благосостояние той или иной страны неизменно происходит за чей-то счет. Богатые не желают уступать своего места, но бедные не хотят отставать от стандартов «общества потребления», которые им показывают в кино, – происходит хищническое ограбление, распродажа всего и вся. Проблема гонки благосостояния оказалась не менее всепланетной, чем проблема гонки вооружений, и разрешения еще не нашла. Экологи считают ее экологической, политики – политической. На самом же деле она глубже: наше умственное развитие как единого целого отстает от нашей технической мускулатуры. Человечество оказывается глупее своей же техники. Наши возможности воздействия на природу приводят к непрерывным и все более глобальным катастрофам. Примеров так много, что можно найти их, открыв любую газету. Альтернатива такая: или вымрем, или резко поумнеем. А для поумнения нужно что-то делать. Странно наблюдать, что это положение дел вроде как и никого не заботит. Это – самый тупиковый из тупиков человечества. Что можно хотя бы попробовать сделать? Нужно внедрить в сознание человечества лишь одну мысль: изменить свое отноше-

ние к этой планете. Или история Великого Всемирного Потопа повторится в куда более страшном варианте, и очень скоро.

Технократическому уму совершенно не хочется осознавать, что вместо привычных проблем «освоения» природы надо вкладывать средства в проблемы Человека и его космоса. Я думаю, двигаться придется через «пинки биосферы» по отношению к нашей цивилизации и дальше – к планетарно-экологическому мышлению как необходимости. Необходимость – это «не-обходимость», ее не обойдешь.

Но подобные движения – шаги промежуточные, те, что давно открыл русский космизм. Прежде всего, это умение проектировать и предвидеть свое будущее, ибо чем дальше наш горизонт будущего, тем ближе мы к выживанию. Опережающее прогнозирование выравнивает асимметрию: мы должны прийти к балансу информационного и энергетического, к гармонии. Глобальная задача нашей страны – вполне определенная историческая миссия: направить развитие общества в сторону Человека. Еще глава Римского Клуба А. Печчеи связывал это с необходимой революцией в системе образования, с приоритетом развития науки и культуры, с гуманизацией нашей дикарской цивилизации.

Люди русского космизма

Нетрадиционность русских идей, слегка утрируя, можно выразить как единство истины, добра и красоты. Эти три вещи в разных культурах или существовали отдельно, или группировались по парам. Но именно у нас в культуре они слились воедино. Человек, понимаемый как единство «космоса над ним» и «космоса микромира за ним», – удивительная особенность русского человекоцентрического космизма.

Черты, отмеченные выше, как раз и отличают русский космизм. Оптимизм и светлая вера в космическую миссию человека как бы связывают русских космистов с эллинами, творчество – с Космосом, с Индией, с восточной традицией космизма. Творчество в нем осознается как свойство

всей природы, а не только человека. Космическое экологическое будущее человека прочитывается в трудах Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского, Н.А. Морозова, Н.А. Бердяева, А.А. Богданова, П.А. Флоренского. Идею единства макрокосма и микрокосма в человеке продолжают Н.К. Рерих и Е.А. Рерих, в 60-е – И.А. Ефремов и целый пласт традиций «ефремовской» фантастики в нашей литературе. Сегодня уже невозможно отделить и традиции философско-религиозные, например В.С. Соловьева, и философско-теологические, Е.П. Блавацкой, В.И. Крыжановской, от научных – в лице философов русского естествознания Д.И. Менделеева и А.Л. Чижевского. Радеющие о возрождении русской культуры с них и начинают. Но начинают пока плохо, вульгарно, – путем выдергивания сенсационных или полудостоверных цитат из их трудов, путем прямого присвоения идей, переписываний и компиляций. Это глупо, ибо мощь философского потока так велика, что всякая шелуха отлетит очень скоро, но этап этот неизбежен.

В апологетике русского космизма не следует уподобляться любителям все достижения мировой мысли приписывать только русским, менять дарвинизм на мичуринство. Но видеть корни и отдавать должное следует. Например, у истока идей В.И. Вернадского о ноосфере как биосфере, ассимилированной человеческим разумом, стоит Н.Г. Федоров, сподвижник А. Гумбольдта, который сформировал понятие «интеллектосферы», русского аналога «всежизненной сферы», или «всеоживленности планеты», по А. Гумбольдту. Однако именно Федоров перенес акцент с «био» на «рацио»! А в 1902 году географ Анучин ввел понятие «антропосферы» – сферы человека. И уж совершенно зря наши современники приписывают Вернадскому естественнонаучную трактовку ноосферы. Еще от П. Флоренского идет традиция «пневматосферы» – «особой части вещества, вовлеченной в круговорот культуры, или, точнее, круговорот духа». Там наблюдается особая стойкость вещественных образований (рукописи не горят!), например «проработанных духом предметов искусства». Примыкает к этому понима-

нию и представление К.Э. Циолковского об атомно-панпсихическом бессмертии человека (панпсихическое – психическое, пронизывающее всю природу). Жизнь и разум неуничтожимы и самовозможны.

Остановлюсь подробнее на симпатичной мне идее Циолковского о человечестве как о едином существе. Эту мысль развивает в наше время академик В.П. Казначеев: существует «биоинформационное поле», пронизывающее биосферу и человечество, в основе которого – информационно-биологические неконтактные связи. Это направление развивают и популяризируют многие менее именитые авторы. По одной из гипотез, человек есть «информационная пирамидка», которая плавает в океане информации. Последние лептонные и еще более экзотические теории о существовании мысли вне нашего тела как бы сближают определенный опыт религий и наук, но еще весьма далеки от сухой научной истины – чрезмерно сенсационны, что портит все дело. Через общение с информационным полем слишком просто объяснить пророчество и ясновидение, но при этом авторы забывают о неизбежности границ, которые устанавливает нам сам космос по уровню нашего развития и масштабу видения будущего.

Ученых, писателей и художников постоянно занимало противоречие бесконечности жизни интеллекта и конечности биологической жизни. Эта проблема специфически разрешается в «философии общего дела» – идее воскрешения всех умерших Н. Федорова, но это тоже лишь сенсационный срез проблемы. А есть и совершенно практичные вещи – теории, объясняющие нашу смертность нашим недомыслием. Если человек принимает «культурную установку» прожить до ста лет, не больше, то эта формула «опускается с уровня сознания по уровням информационной пирамиды вниз до клеточного уровня, материализуется в биологических часах и определяет длительность биологической жизни» (синдром конечной жизни, по А.И. Субетто). Чтобы этого не происходило, человек должен жить «бесконечной жизнью», достигаемой через творчество и приводящей к

непрерывному расширению потребностей, а не к сокращению их. Творческое долгожительство всегда гарантирует и физическое. Стремление к будущему, творчество, красота связываются с радостью, с культом радостной жизни.

Если угрюмое средневековое христианство призывало принять мир как юдоль печали, в восточной философии вперед выходит радость. Особенность русского космизма – в триединстве истины, добра, красоты. Синтез добра и интеллекта, нравственность интеллекта – это наиболее актуальная для евротрадиции проблематика сегодняшнего дня. Космизация нашего сознания только и может идти через его экологизацию, освоение культуры радости в творчестве, в слиянии идеалов добра, истины и красоты в монолит. Радость базируется, кстати, на очень простом механизме: критика прошлого бесплодна, человек должен заниматься будущетворением. Приходящее нашими усилиями будущее – лучший критик прошлого!

Пора завершать. Мы стремились показать, что лозунгом нашего времени должен стать переход от человека технического к человеку космическому. И на этом пути духовный опыт русского космизма неоценим. Нам очень хотелось бы стать его продолжателями. Но это дело совсем не легкое.